16.08.93

Аллея памяти

Веч. Москва. – 1993 – 16 авг. – с. 2

Он был солнечным лучом в нашем театре

Шесть лет назад, 16 августа 1987 года, умер Андрей Миронов. 46 лет жизни. Из них более 25 лет отданы сцене, киноэкрану, эстраде. Он был поистине Народным артистом России.

Сегодня мы беседуем с театроведом Анной Владимировной Висловой. Недавно она защитила кандидатскую диссертацию по творчеству Андрея Александровича Миронова. В издательстве «Искусство» до конца года намечена к выходу ее книга, посвященная актеру.

— Аня. Можно я буду вас так называть?

— Нас с вами познакомил Андрей Миронов. Он так меня называл. Так представил вам меня. Конечно, можно.

— Мое детство совпало с восходом артистической звезды Андрея Миронова, поэтому, естественно, его имя я услышала очень рано. После выхода фильма «Бриллиантовая рука» оно было, что называется, на устах у всех. Но первая моя личная незабываемая встреча с его творчеством состоялась на спектакле «Безумный день, или Женитьба Фигаро». Мне было лет 12, когда я первый раз увидела этот спектакль. Наверное, это было мое первое потрясение в жизни от встречи с театром, с уникальным искусством актера. Мне кажется, сегодня это даже трудно представить и объяснить. Теперь нас потрясает лишь сама наша жизнь, и нынешним подросткам не позавидуешь. Я с тревогой иногда думаю о том, какие первые духовные впечатления впитает в себя моя маленькая дочка. Мое поколение каким-то краем еще успело застать великих мастеров сцены и ощутить дух высоких традиций русского театра, которые они в себе несли.

Андрей Миронов был одним из них. Вот почему мне показалось важным исследовать творческий опыт артиста еще и с научной, теоретической точки зрения, в широком контексте стилевых тенденций театрального актерского искусства и культуры новейшего времени. Этому и была посвящена моя диссертация. Ну а кроме всего прочего Андрей Миронов, по-моему, был одним из самых ярких и светлых наших актеров. Свой особый свет и доброту он всегда излучал со сцены. После его смерти многие говорили, что погасло «наше солнце». Он в самом деле был каким-то солнечным лучом в нашем театре и в нашей жизни.

— А как вы с ним познакомились?

— Я уже оканчивала ГИТИС. Очень хорошо запомнила тот день — 14 ноября 1983 года, когда подошла к нему на служебном входе Театра сатиры и сказала, что пишу о нем дипломную работу, а потому мне необходимо с ним о многом обстоятельно побеседовать. Все происходило на ходу, он как всегда невероятно торопился на репетицию. Мне кажется, он не совсем понял, кто я такая, явно приняв меня по внешнему облику за школьницу, потому что его огромные голубые глаза от удивления раскрылись еще шире... Первая наша беседа состоялась только месяца через два. Зато потом, когда он прочитал мою работу, отношения между нами сложились доверительные. И я начала писать о нем книгу, первым читателем готовых глав из которой был он сам. Для меня было важно не просто описать его творчество, но и понять его как человека и как художника. Из этого замысла родилась та книга-диалог, которая в конце года должна выйти в издательстве «Искусство». Книга будет называться «Андрей Миронов: неоконченный разговор».

— А как человек, чем он вам запомнился?

— Его человеческая индивидуальность не менее ярка и интересна, чем артистическая. То же можно сказать и о его поведении. Помимо всего прочего, оно было просто красивым. Он всегда был в форме, очень элегантен, аккуратен, красиво двигался, ходил, красиво водил машину. Словом, он был какой-то очень гармоничной и здоровой личностью. Сегодня это становится редкостью. Можно было бы также бесконечно вспоминать его непревзойденные шутки и остроты, без которых он не представлял своей жизни. Но надо сказать, что на репетициях он был на редкость собран и целеустремлен. Он очень остро в последнее время ощущал бег скоротечного времени и торопился еще что-то успеть сделать. Видимо, какой-то внутренний голос постоянно подгонял его и не позволял ему особенно расслабляться. Хорошо помню, как он обрывал многие шутки, возникавшие во время репетиций, боясь даже ненадолго отвлечься от главного. Что еще всегда в нем отмечали — это хорошее воспитание, за что, наверное, надо еще раз сказать спасибо его родителям. Меня очень привлекало в нем отсутствие позерства и снобизма, столь характерных в артистической и творческой среде. Он был по-настоящему демократичным и не циничным человеком в жизни.

— А нельзя предположить, что ваша диссертация, книга возникли на конъюнктурной волне повышенного интереса к личности и творчеству Андрея Миронова?

— Волна обильных речей, статей, раскаяний и покаяний, а также многочисленных воспоминаний о Миронове действительно возникла сразу после его смерти. Я в тот момент, потрясенная происшедшим, могла только молчать: слов не было, а было опустошение. Только спустя три года я снова взялась за книгу, оборванную на середине. А когда я ее начинала — это было время весьма прохладного отношения к Миронову со стороны нашей театральной критики. В тот момент ее волновали и привлекали иные имена. Отсутствие заинтересованного, глубокого внимания со стороны критики Андрей, кстати, очень остро чувствовал и переживал. А ведь он в то время становился другим, но мало кто это замечал. По существу, только его смерть заставила многих взглянуть на его творчество новыми глазами, без привычных стереотипов. А некоторые так и остались у них в плену.

— Что стало основой книги?

— Мне посчастливилось присутствовать на репетициях Андрея Миронова, общаться с ним и почти ежедневно близко наблюдать его в течение последних трех лет жизни, что я считаю для себя настоящим подарком судьбы. Записи этих репетиций, его роли, в частности в его последнем сезоне, его размышления об искусстве, о жизни, а у меня более 6 часов записей на магнитной ленте таких его бесед, — все это нашло отражение в книге о человеке, которого зрители будут помнить и любить всегда.

Александр УШАКОВ.

Редкий снимок Андрея Миронова.

Фото В. КРЕЧЕТА.

Миронов Андрей